

ЭВДЕМОНИСТИЧЕСКИЕ И ГЕДОНИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СЧАСТЬЯ

А. Г. Деменев

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова*

Поступила в редакцию 20 ноября 2016 г.

Аннотация: в современных исследованиях проблемы счастья четко выделяются гедонистические и эвдемонистические теории. Такое различие в понимании содержания счастья проявляется в работах и философов, и психологов, и экономистов. В данной статье анализируются существенные различия двух вариантов интерпретации счастья, их сильные и слабые стороны. Показаны конкретные вопросы, в изучении которых успешно взаимодействуют философские, психологические и экономические теории. **Ключевые слова:** счастье, благополучие, удовольствие, эвдемонизм, гедонизм.

Abstract: *this article distinguishes between hedonic and eudaimonic approaches to happiness in contemporary literature. The distinction in understanding of the essence of happiness has emerged in philosophical, psychological, economic research. Strengths and weaknesses of the two traditions are analyzed in the article. The conclusion is made about the prospects for a successful interdisciplinary cooperation in the happiness studies.*

Key words: *happiness, well-being, pleasure, eudemonism, hedonism.*

На протяжении нескольких последних десятилетий в мировой философской, психологической и экономической мысли заметен неуклонный рост интереса к проблеме счастья. Оживленные дискуссии выявили несколько основных вопросов, по которым наметились глобальные расхождения во взглядах и которые можно рассматривать как основания для классификации представленных теорий. Так, понимание природы счастья в смысле его содержания, его главных факторов четко разделяет гедонистические и эвдемонистические теории. Понимание счастья в смысле соотношения в нем объективных и субъективных факторов и, соответственно, методика их оценки разделяют объективистские и субъективистские теории.

И гедонистические, и эвдемонистические теории счастья претендуют на то, что обосновывают свои выводы и предписания каким-то особым, более глубоким пониманием человеческой природы. При этом первые трактуют эту природу так, что сводят всё разнообразие мотивов к поиску удовольствий и избеганию страданий. Вторые же признают разнообразие мотивов, отражающее многообразие потребностей и ценностей, в совокупности составляющих заложенный в человеческой природе и требующий раскрытия потенциал. Поэтому эвдемонии интерпретируют

в терминах «самореализация», «самовыражение», «осуществление предназначения», «достойная жизнь», «полноценная жизнь» «процветание» и т. д. Наряду с понятием «счастье» в работах исследователей часто используются понятия «благополучие» (well-being), «благосостояние» (welfare). Многообразие сходных по значению понятий, а также многозначность самого понятия «счастье» затрудняют аргументацию сторон и требуют дополнительного прояснения.

Ставшие известными с 1996 г. исследования Д. Ликкен и А. Телледжен говорят о том, что на 80 % способность быть счастливым является врожденной психофизиологической характеристикой индивида [1]. Д. Хайброн замечает, что, если они правы, можно забыть об этике Аристотеля, как и вообще обо всех этических учениях, искавших пути к счастью. Но дело в том, что Ликкен имеет в виду совершенно иное значение понятия счастья, чем Аристотель и другие моралисты. Вопрос о том, какая жизнь делает человека лучше, – это вопрос о ценностях, т. е. вопрос этики, а не эмпирической психологии [2, с. 209].

Традиция, отождествляющая счастье с удовольствием, имеет давнюю историю, а в новейшей англо-американской философии опирается, прежде всего, на авторитет и популярность утилитаризма. В большинстве психологических исследований понятием «счастье» обозначается эмоциональное состояние, характеризующееся устойчивым преобладанием сильных положительных эмоций.

Для того чтобы уйти от многозначности используемого в быденном языке понятия «счастье», был предложен претендующий на большую точность термин «субъективное благополучие» (SWB), получивший широкое распространение благодаря работам психолога Э. Динера [3]. Он означает измеряемый показатель субъективной оценки человеком своей собственной жизни по трем основным критериям: уровню положительных эмоций, уровню отрицательных эмоций, общей удовлетворенности условиями жизни. В гедонистических теориях SWB используется как синоним понятия «счастье». Эти концепции регулярно обсуждаются в *Journal of Happiness Studies*. Прочная ассоциация SWB с гедонистической традицией установилась после публикации книги «Благополучие: основы гедонистической психологии» [4].

Не стоит смешивать гедонистические концепции в психологии и этике. В последние десятилетия они всё больше взаимообуславливают друг друга, но сохраняют специфику целей и методов. Психологические исследования претендуют на роль дескриптивных теорий, имеют эмпирический базис, исследуют явления, обозначаемые понятием «счастье» без указания на их место в структуре ценностей личности. А гедонистические учения в этике соединяют признаки дескриптивных и нормативных учений, указывают на приоритетные жизненные цели и предлагают свой подход к обоснованию морали.

Серьезным испытанием для этического гедонизма стали результаты исследований по проблеме психологической адаптации человека к изменениям в условиях жизни. С начала 1970-х гг. получила распространение

ние модель гедонистической беговой дорожки [5]. Согласно этой модели человек психологически адаптируется как к трудностям и трагическим событиям, так и к радостям и достижениям. Его уровень счастья (SWB) эти события меняют на короткое время, а затем он возвращается к некоторому среднему для данного индивида и данной культуры уровню. Это косвенно подтверждается более поздними выводами Ликкен и Телледжен о врожденной способности испытывать счастье. Так что усилия личности и государства по увеличению уровня счастья, понятого как удовольствие, выглядят бесплодными. Одинокий и бездомный нищий может оказаться более счастливым, чем процветающий и всеми уважаемый отец семейства. Граждане нищей страны с коррумпированной властью могут чувствовать себя более счастливыми, чем граждане процветающего, правового, демократического государства.

Почему использован образ «беговой дорожки»? Потому что несмотря ни на что мы все-таки стремимся к счастью, положительным эмоциям, оставаясь при этом на месте. Модель гедонистической беговой дорожки не стала каким-то новым откровением о человеке. Она лишь на языке эмпирических психологических исследований выразила то, о чем говорили философы и моралисты уже не одно тысячелетие: и радости, и страдания преходящи, удовольствия пресыщают и сменяются скукой, а бесстрастия можно достичь и невзирая на страдания.

Но как это бывает с науками о человеке, любая даже хорошо обоснованная теория открывает лишь одну из его граней и не справляется с ролью универсальной истины. Спустя три десятилетия Э. Динер с коллегами бросили вызов этой модели, опираясь на новейшие исследования, а также давая новую интерпретацию имевшихся данных [6]. Не ставя под сомнение способность человека к адаптации, они, тем не менее, выявили, что механизм ее не носит автоматического характера. Он более сложен и гибок. Он может существенно различаться у разных людей и по поводу разных жизненных событий. Адаптация может проходить много лет и оказаться неполной. И в долгосрочной перспективе уровень счастья как индивидов, так и социальных групп все-таки может существенно меняться. Поэтому Динер с коллегами делают оптимистический вывод о возможности и необходимости бороться за счастье. Это открывает перспективу дальнейших исследований по экономике счастья (понятого гедонистически), в том числе и определение задач государственной политики по обеспечению условий для роста национального индекса благополучия.

Так или иначе, но интерес к теме счастья в терминах гедонистических теорий не снижается. Параллельно на стыке психологии и этики сформировался и другой подход к изучению темы. Альтернативную версию благополучия исследователи связывают с понятием «эвдемония», которое восходит к Аристотелю, но выражаемая им идея активно используется и в интеллектуальной традиции XX в., в том числе в гуманистической психологии (К. Юнг, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс) [7, с. 4].

Дж. Гриффин, отталкиваясь от критики гедонизма, сформулировал теорию информированного желания [8]. По его мнению, нельзя свести благополучие (счастье) к удовольствию. Во многих случаях люди руководствуются иными мотивами, в которых удовольствие оказывается не непосредственной целью, а побочным результатом достижения иных разнообразных значимых целей. Гриффин считает критерием благополучия удовлетворение информированных желаний, т. е. обоснованных, правильных, таких, об объектах которых достоверно известно, что они ведут к благополучию. Эта теория выглядит как очередная попытка отгородиться от вульгарного гедонизма, но сохранить счастье в качестве цели. Для этого надо различить «правильные» и «неправильные» желания (задача, которую ставили еще античные моралисты).

Эвдемонистический идеал – это жизнь, максимально полно и глубоко удовлетворяющая человека, его потребности. Если в гедонистическом варианте благополучие – это результат, то в эвдемонистическом – процесс, самореализация человеческих возможностей, предназначения, подлинной природы. Жизнь такая, какой она должна быть. Тем не менее психологические явления гедонии и эвдемонистическо взаимосвязаны. Уотерман, Шварц и Конти проводили исследование, в котором на материале ответов респондентов выявлялись конкретные нюансы психологической мотивации. Авторы заявили, что понимают эвдемонию в духе учения Аристотеля и связывают с понятием «самовыражение» [9, с. 41]. Если человек успешен в достижении своих целей, реализации своих индивидуальных возможностей, то он испытывает оба эти состояния. Эвдемония – достаточное условие для гедонистического счастья, но не необходимое. Если человек добивается успеха в тех видах деятельности, которые не связаны с раскрытием его индивидуальных возможностей, он испытывает удовольствие, но это состояние не является эвдемонией. Схожее мнение высказывают и другие исследователи (Э. Деци, Р. Райан, Л. Левит и др.).

В гедонистической ориентации удовольствие – цель непосредственная, а в эвдемонизме – опосредованная. Преследование значимых целей может потребовать особых усилий, жертв, страданий. Но платой за это будут гораздо более сильные удовольствия. Эвдемонистическая ориентация требует изменения отношения к боли и страданиям, рассматривая их как неизбежную плату за движение к значимой цели. И чем труднее препятствия и тяжелее лишения, тем большую радость приносит победа.

Э. Деци, Р. Райан и В. Хута разработали эвдемонистическую концепцию счастья, основанную на теории самодетерминации. Эта модель эвдемонии характеризуется следующими мотивами: преследовать собственные внутренние цели, такие как личностный рост, гармоничные отношения, здоровье, и не стремиться к обладанию навязанными извне ценностями, такими как богатство, слава, имидж, власть; действовать разумно, осмотрительно и осведомленно. Авторы рассматривают эвдемонию как определенный способ осуществления жизни, при котором она максимально реализует потенциал человека. Сопоставляя эвдемонию и

гедонию как жизненные программы, они указывают на потенциальные опасности, которым подвержена жизнь человека, преследующего исключительно цель получения удовольствий и избегания страданий. Такая стратегия может разрушить и его собственную жизнь, и жизнь окружающих людей. Напротив, эвдемония – это полноценная жизнь в гармонии с окружающим миром. Эвдемонистическая модель Деци – Райана основана на смелом утверждении: они считают, что существуют «внутренние ценности, встроенные в человеческую природу, и эти ценности универсальны» [10, с. 147]. Жить правильно – значит преследовать правильные цели. А правильными являются такие цели, которые соответствуют природе человека, раскрывают его возможности, развивают добродетели и приближают его к совершенству. Эти цели есть ценности сами по себе. Тогда как, например, богатство, власть, слава – внешние блага, носящие характер не самодостаточных ценностей, а средств. Тем не менее многие люди ошибочно видят в них главные цели, удаляясь от эвдемонии.

Личность ощущает на себе множество положительных следствий осуществления эвдемонии. Очевидны и положительные социальные последствия, если члены общества будут иметь возможность реализовать таким образом свои жизненные стратегии. Отсюда важность политической воли к реализации программ, нацеленных именно на такие приоритеты. Гонка за потреблением подвела человечество к опасной черте. Культивируется настроение «победитель получает всё». Авторы видят парадокс в том, что капиталистическая система, создавая все условия для эвдемонистической жизни, одновременно подрывает ее основные цели и ценности [там же, с. 165].

Сверхзадачу обогащения любой ценой надо заменить более нравственной целью способствовать всестороннему и гармоничному развитию человека. Эту же цель ставят сторонники теории процветания (*flourishing*) – еще одной версии эвдемонистической парадигмы. По их мнению, понятие «эвдемония» лучше переводить как процветание, а не как счастье. Процесс развертывания заложенных в человеке способностей подобен расцвету растения. И он у Аристотеля не имеет того гедонистического и утилитаристского значения, какое сейчас приобрело понятие счастья (веселье, хорошее настроение, мимолетное состояние радости). Концепция Аристотеля глубже рассматривает цели человеческой жизни.

Понятие «процветание» используют в своих концепциях Ф. Хьюперт, Л. Бруни, П. Порта, Д. Аннас, Р. Креспо, Б. Мезурадо. Они признают важность такого показателя, как SWB, но не считают его достаточным для характеристики человеческой жизни с точки зрения ее наполненности и осуществленности. Этот показатель слишком узкий, однобокий, учитывает только субъективные ощущения. Понятие процветания – более широкое и всестороннее, включает помимо положительных эмоций такие аспекты, как вовлеченность, осмысленность, целеустремленность, самоуважение, устойчивость, жизнеспособность, самодетерминацию, гармоничные отношения. Понятие «*engagement*» характеризует вовле-

ченность индивида в совершаемую им деятельность, степень интереса к происходящему. Это состояние погружения в деятельность, в которой виден смысл и которая соответствует глубоким внутренним запросам личности [11, с. 142].

Креспо и Мезурадо, работая над теорией процветания, пришли к выводу о необходимости трансформации существующей модели экономики счастья. Они сформулировали систему мер социально-экономической политики, направленных на развитие экономики процветания, а также меры, направленные на защиту прав человека, в том числе на обеспечение возможности его всестороннего развития [12].

Для понимания некоторых спорных моментов в эвдемонистических концепциях счастья полезно познакомиться с дискуссией, развернувшейся вокруг книги Нееры Бэдвор, обосновывающей неоаристотелизм и эвдемонизм. Она начинает изложение своей концепции с того, что благополучие, понимаемое как высшее разумное благо, предполагает не только чувство удовлетворения, но и воплощение в жизни объективных ценностей – добродетелей [13, с. 185]. Добродетельные люди открыты миру и живут в гармонии с людьми, умеют ценить жизнь и радоваться тому, что она дает. Но Бэдвор признает очевидное, что добродетель не гарантирует благополучия. И она не утверждает, что порочные люди обязательно чувствуют себя несчастными. Но они имеют гораздо меньше возможности обрести благополучие. Порочный человек становится сам жертвой того зла, которое порождает, тех разрушительных эмоций, которые сопровождают его жизнь.

Американский философ Д. Хайброн склонен согласиться с тем, что для благополучия может быть полезно обладание добродетелями. Но он не согласен с категоричным утверждением, что добродетель является существенным, обязательным условием благополучия [14, с. 205–207]. Хайброн считает, что аристотелевское учение об эвдемонии как высшей цели появилось в конкретном социально-культурном контексте, оно не подходит для нашего времени. Когда философы говорят о достойной жизни, они далеко не всегда имеют в виду жизнь благополучную, счастливую. То, что было очевидным для Аристотеля, вовсе не было таковым для философов других эпох. Аристотель не видел принципиального конфликта мотивов: счастье или добродетель? Возможно, это было естественным мнением в классическую эпоху расцвета греческих полисов. Но уже в эпоху эллинизма трагическое противоречие мотивов влечения к счастью или верности добродетели начинает наполнять размышления философов. И в последующее время оно не исчезало из фокуса нравственных размышлений. Хайброн ссылается на Канта, для которого *summum bonum* – это не счастье, а прежде всего добродетельная жизнь, жизнь в соответствии с долгом. Любой моралист, который хочет сформулировать целостное этическое учение, основанное на счастье как главной цели жизни, должен приложить немало усилий, чтобы доказать, что только добродетельная жизнь может быть счастливой, что разочарования и несчастья станут возмездием за порок. «Если добродетель не мо-

жет быть оправдана как требование для благополучия, то она не может быть оправдана вообще, а это конец света» [14, с. 199]. Это катастрофа для эвдемонистических теорий, в которых стремление к счастью является единственным побудителем к нравственности.

Таким образом, в современных исследованиях счастья затрагиваются и проблемы обоснования морали, выявляя различия в подходах сторонников гедонизма и эвдемонизма, с одной стороны, и автономии морали – с другой. Как видно, спектр поднимаемых вопросов в этих исследованиях довольно широк. Преимуществом гедонистических теорий является то, что они опираются на широко распространенное в обыденном сознании понимание счастья, констатируют естественность стремления к удовольствиям и желания избегать страданий. В эмпирических исследованиях это преимущество проявляется в наличии конкретного и вполне измеримого объекта изучения – положительных и отрицательных эмоций как непосредственных фактов психической жизни. Эвдемония же в разных исследованиях интерпретируется более многозначно и противоречиво. Тем не менее эвдемонистические версии счастья в последние десятилетия приобретают всё больше сторонников как среди философов, так и среди психологов и экономистов.

Гедонистические теории являются субъективистскими. Они опираются на самооценку человеком своих ощущений и условий своей жизни, хотя их сторонники и пытаются разработать методики объективного мониторинга эмоций. Эвдемонистические теории исходят из того, что жизнь, понимаемая как счастливая, должна соответствовать определенным объективным требованиям и стандартам, поддающимся объективной оценке. Трудность, возникающая при этом перед эвдемонистическими теориями в эмпирических исследованиях, состоит в необходимости количественного измерения некоторых качественных показателей человеческой жизни. В научном исследовании переход от качественного описания к количественным измерениям всегда означает переход на более глубокий уровень познания объекта, что требует выявления измеряемой величины, выбора единицы измерения и создания собственно измерительной процедуры (или измерительного прибора, если такой необходим). Очевидно, в науках о духе такой переход сделать гораздо сложнее, чем в науках о природе, если вообще возможно.

Исследователи указывают также на более широкие социальные последствия реализации эвдемонистической и гедонистической жизненных программ. Противники гедонистического мировоззрения делают вывод, что в современном его виде оно является одновременно предпосылкой и следствием индивидуалистической рыночной экономики, ориентирующей личность на максимизацию прибыли любой ценой. Гедонизм остается популярен, так как соответствует ценностям потребительского общества, стимулирует потребление, обещая рост удовольствий и счастья. Ориентация же на эвдемонистические ценности является хорошей альтернативной стратегией достижения как индивидуального,

так и социального благополучия. Она предполагает такую расстановку приоритетов в государственной политике, которая создаст условия для максимально полного и всестороннего развития личности в гармонии с интересами общества. Таким образом, эвдемонистическая парадигма может сыграть роль критической социальной теории, выполняя познавательную, методологическую и практическую функции.

Описанные дискуссии убедительно доказывают междисциплинарный вектор развития современной науки. Заметен интерес психологов к обоснованию своих концепций посредством конкретных философских учений: для выдвижения рабочих гипотез, интерпретации данных, определения понятий. Для философов представляют безусловный интерес результаты эмпирических исследований, дающих обширный материал для осмысления. Представители социальных теорий используют эти идеи для формирования стратегий общественного развития. Продолжение плодотворного сотрудничества принесет новые интересные идеи в этой чрезвычайно актуальной предметной области.

Литература

1. *Lykken D.* Happiness Is A Stochastic Phenomenon / D. Lykken, A. Tellegen // *Psychological Science*. – 1996. – № 7(3). – P. 186–189.
2. *Haybron D. M.* Two Philosophical Problems In The Study Of Happiness / D. M. Haybron // *Journal of Happiness Studies*. – 2000. – № 1. – P. 207–225.
3. *Diener E.* Subjective well-being / E. Diener // *Psychological Bulletin*. – 1984. – № 95. – P. 542–575.
4. *Kahneman D.* Well-Being : The Foundations of Hedonic Psychology / D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (Eds.). – New York : Russell Sage Foundation Press, 1999. – 608 p.
5. *Brickman P.* Hedonic relativism and planning the good society // M. H. Appley (Eds.), *Adaptation level theory* / P. Brickman, D. T. Campbell. – New York : Academic Press, 1971. – P. 287–302.
6. *Diener E.* Beyond the Hedonic Treadmill : Revising the Adaptation Theory of Well-Being / E. Diener, R. E. Lucas, C. N. Scollon // *American Psychologist*. – Vol. 61, №. 4. – P. 305–314.
7. *Deci E. L.* Hedonia, Eudaimonia, And Well-Being : An Introduction / E. L. Deci, R.M. Ryan // *Journal of Happiness Studies*. – 2008. – № 9. – P. 1–11.
8. *Griffin J.* Well-Being : Its Meaning, Measurement, and Moral Importance / J. Griffin. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – 424 p.
9. *Waterman A. S.* The Implications Of Two Conceptions Of Happiness (Hedonic Enjoyment And Eudaimonia) For The Understanding Of Intrinsic Motivation / A. S. Waterman, S. J. Schwartz, R. Conti // *Journal of Happiness Studies*. – 2008. – № 9. – P. 41–79.
10. *Ryan R. M.* Living Well : A Self-Determination Theory Perspective On Eudaimonia / R. M. Ryan, V. Huta, E. L. Deci // *Journal of Happiness Studies*. – 2008. – № 9. – P. 139–170.
11. *Левит Л. З.* Что же такое счастье : опыт трех исследований / Л. З. Левит // *Педагогическое образование в России*. – 2014. – № 4. – С. 139–148.

12. *Crespo R. F.* Happiness Economics, Eudaimonia and Positive Psychology : From Happiness Economics to Flourishing Economics / R. F. Crespo, B. Mesurado // *Journal of Happiness Studies*. – 2015. – V. 16. – Is. 4. – P. 931–946.

13. *Badhwar N. K.* *Precis of Well-Being: Happiness in a Worthwhile Life* / N. K. Badhwar // *The Journal of Value Inquiry*. – 2016. – Vol. 50. – Is. 1. – Pp. 185–193.

14. *Haybron D. M.* *Comments on Badhwar, Well-Being : Happiness in a Worthwhile Life* / D. M. Haybron // *The Journal of Value Inquiry*. – 2016. – Vol. 50. – Is. 1. – P. 195–207.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Деменев А. Г., кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой философии и социологии

E-mail: a.demenev@narfu.ru

Тел.: 8(182) 666-773, 8-911-591-21-28

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Demenev A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Vice-Head of the Philosophy and Sociology Department

E-mail: a.demenev@narfu.ru

Tel.: 8(182) 666-773, 8-911-591-21-28